

Мариса Малмыгина

ГОЛЬ НА ВЫДУМКИ ХИТРА

Лариса Малмыгина

**Голь на выдумки хитра.
Фантастическая повесть**

«Издательские решения»

Малмыгина Л.

Голь на выдумки хитра. Фантастическая повесть /
Л. Малмыгина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851166-0

Что делать, если исчез муж, а на руках малолетние дети и больные родители, к тому же совершенно нет денег, чтобы их прокормить? А тут появилась возможность попасть в прошлое и наладить там торговый бизнес. Почему бы и нет? И главная героиня повести Машенька Серова начинает действовать, а в прошлом встречает большую любовь — князя Григория Оболенского.

ISBN 978-5-44-851166-0

© Малмыгина Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Вы скоро станете моей женой	6
Глава 2. Бездёжность	9
Глава 3. Хижина дяди Прохора	12
Глава 4. Влипла	15
Глава 5. Слепая	18
Глава 6. Из огня да в полымя	21
Глава 7. Эврика!	24
Глава 8. Злыдня	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Голь на выдумки хитра Фантастическая повесть

Лариса Малмыгина

Дизайнер обложки Олеся Олеговна Трушкина

© Лариса Малмыгина, 2017

ISBN 978-5-4485-1166-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Вы скоро станете моей женой

Я открыла кошелек. В одном из отделений сиротливо лежало несколько купюр малого достоинства, а надо было еще купить молочных продуктов для детей. Трехлетняя Янка обожает «Агушу», шестилетний Стас обычный творог. В последние годы творог стал недоступным для простых смертных, почти пятьдесят рублей за двухсотграммовую пачку – это ж надо же до такого дожить. Дожили.

Говорила когда-то бабушка, что при капитализме человек человеку волк. А я смеялась. И мама с папой смеялись. Им хотелось, разорвав железный занавес, вырваться на свободу. Общими, народными, усилиями разорвали, потом распилили его на железные двери. За что боролись! Теперь бабушка в могиле, а родители, так и не попутешествовав по миру, влечат жалкое существование на пенсии.

Меня звать Маша, Мария Валентиновна Серова, мне двадцать восемь лет, я замужем за врачом скорой помощи. Благодаря скорой помощи мы кое-как держимся на плаву, так как я из-за недостатка финансов окончила всего лишь педагогический колледж и стала воспитательницей в детском саду. Для детей, конечно, неплохо, когда мама рядом, только денег эта нужная профессия не приносит уж точно, недаром в Древней Греции воспитательные функции возлагались на плечи рабов.

Мои родители как материально, так и физически мне не помогают, вместе со страной зализывают бесконечные раны, оставшиеся после девяностых годов. Мужнины предки, оплатив услуги ЖКХ, тоже перебиваются, они инвалиды по зрению.

Никита Сергеевич Серов, мой супруг, пашет практически на две ставки, дома почти не появляется. К тому же, я изрядно поизносились, на платьях впору заплатки ставить, а куртка на синтепоне одна на все случаи жизни, зато семья одета и обута. Иногда бывает стыдно за свой затрапезный вид, но я, чтобы не чокнуться от безнадёги, вовремя вспоминаю, что еще молода и красива. А что? Высокая, стройная блондинка с зелеными, как изумруды, глазами. Скажете, таких глаз не бывает? А вот и бывают.

Нам повезло, у нас «двушка» в панельном доме на первом этаже, ее в память о былом социализме оставила любимой внучке моя бабушка. В Советском Союзе, который пытаются оклеветать нувориши, давали жилье бесплатно. Представляете: бес-плат-но! И квартплата стоила копейки. И молоко с хлебом. И.... перечислять долго не буду, а перейду к главному.

Главное заключается в том, что месяц назад заболела мама. Сильно заболела: с обмороками, тошнотой и рвотой. А поскольку анализы ничего плохого не показали, врачи от нее отвернулись, даже авторитет Никиты не помог. Хорошо, что на обследовании в стационаре десять дней подержали, в нашем городе в стационар пожилым людям вход заказан.

Мама чахла. Я металась между двумя квартирами и не знала, как разорваться так, чтобы остаться целой и невредимой. Иногда казалось, что сойду с ума, но кто-то надежно держал мою марионеточную жизнь в руках и профессионально дергал за веревочки даже тогда, когда моя башка от отчаяния ничего не соображала. Папа за компанию тоже стал хандрить. Он ложился возле жены и, вглядываясь в ее потухшие глаза, жалобно тянул:

– Лииииидушка, не умирааай!

– Мы всегда будем вместе, Валечка, – с энтузиазмом подхватывала Лидия Игоревна, и взгляд больной одухотворенно вспыхивал. Матери импонировала мысль, что на кладбище они с отцом тоже будут рядышком.

– А зомби здесь тихие, – как-то не выдержала я. Эту фразу вычитала в Инете, и она засела занозой в голове. – Прекратите зомбировать друг друга, лучше подумайте о внуках! Вы тут ноете, а они дома одни сидят.

– Валя, она не любит нас, – пустила слезу мама.

– Ее дети ждут, – вздохнул папа и крепче прижался к жене.

– На столе котлеты и куриный бульон, – шмыгнув носом, прохрипела я. – Полы вымыла, посуду тоже, в аптеку ходила, в магазин ходила. Что еще? Полотенчики, носовые платочки, трусики простирнула.

– Благодарю покорно, – этими заумными словами мама, как всегда, делала мне одолжение, но я привычно проглотила ее раздраженный тон и направилась к двери.

– Спасибо, доченька, – послышался голос папы.

Я любила своих родителей, но дальше существовать в таком ритме не могла. Выйдя во двор, я рухнула на скамеечку возле подъезда и, запрокинув голову, заревела. На меня смотрели мимо идущие прохожие, но никто не подходил, чтобы утешить. Да и если бы подошел, я бы убежала.

Дома ждали Янка и Стас.

– Папа приезжал, – сообщил Стас, обнимая мою талию.

– Покушал и уехал, – подхватила дочка. Она на удивление правильно выговаривала исключительно все звуки.

– А вы кушали? – осведомилась я.

– Мы тебя ждем, – улыбнулся сын.

– «Агушу» купила? – несмело спросила дочурка.

Стас ничего не спросил, но я с ужасом вспомнила, что не зашла в магазин и кормить ребят на ночь нечем.

– Кашку сварить, – прочитал мои мысли сообразительный сыночек.

Вздохнув, я разулась и потопала на кухню. На ней царил беспорядок – результат жизнедеятельности вечно спешащего мужа. Стиснув зубы, я помыла посуду, протерла стол и начала варить манку.

«Вечером манку, – рассуждала я, помешивая варево, – утром овсянку. Завтра суббота, дети в садик не пойдут. И я не пойду. Буду делать уборку, стирать, готовить еду, а вечером побегу к родителям кормить их. Закончилось мясо, в холодильнике лежат полпачки масла, а зарплата у Никиты только через неделю. И свою зарплату я потратила на услуги ЖКХ, так что надеяться не на кого. Ничего, выкручусь, остались банка кильки в томате для супа и пачка макарон на второе. Чем не обед»?

«У тебя в сумке двести рублей», – напомнил внутренний голос, и я вздрогнула. Не любила я этот внутренний голос, который бесцеремонно влезал во все мои дела.

Накормив ребят, я уложила их спать, а сама присела перед телевизором. Показывали апартаменты одной из так называемых звезд поп-музыки. Апартаменты поражали роскошью, и я вновь подумала, что кривляться под фонограмму намного выгоднее, чем спасать или воспитывать людей. Приоритеты у общества такие.

На душе скребли кошки, они не просто скребли, они царапались и кусались. Я люблю настоящих кошек, но режим жесткой экономии не позволяет моей семье их держать. Как-то Никита подсчитал, сколько уйдет рублей в месяц на одного мурлыку. Оказалось, минимум тысяча. Не кормить же члена семьи вискасами!

Глаза закрывались, я уже начала проваливаться в сон, как забренькал мобильник.

– Машутка, – сквозь шум и помехи пробился в эфир голос мужа. – Машутка, я остаюсь на сутки, так что утром не жди. Буду благодарен, если забежишь к моим и занесешь им продукты.

– На какие такие деньги? – вздохнула я.

– Неужели ничего не осталось? – удивился супруг. – Но хоть хлеба и молока ты им можешь купить?

– Хлеба и молока могу, – согласилась я.

– Спасибо, – обрадовался Никита и отключился.

«Алевтине Михайловне и Сергею Николаевичу уже по шестьдесят лет, – снова встрял внутренний голос. – Они немолодые, почти незрячие, а ты очень редко их навещаешь. Знаешь же, что их единственный сын на твою семью работает».

– И на свою тоже, – фыркнула я и поймала себя на мысли, что говорю вслух. – Не слишком ли много нуждающихся в моей опеке? Итак: двое малолетних детей, пятеро взрослых, четверо из которых больны. Итого – семь, а я одна.

Кто-то там, в черепной коробке, устыдился и замолчал.

Выждав паузу, я всхлипнула, встала, размяла гудящие ноги и поплелась в ванную, чтобы смыть усталость со своего измученного долговыми обязательствами тела.

Вода стекала по туловищу теплыми потоками, а я мыслила о том, что мне грех ныть и жаловаться. Крыша над головой есть, еда есть, не разуты, не раздеты. Руки, ноги тоже на месте, а наверху тридцатилетний сосед Витька сидит в инвалидной коляске. Вот кому действительно плохо. И его маме, тете Лизе, плохо. Ее бросил муж, когда узнал, что у ребенка ДЦП.

Через десять минут я была в кровати. Сладко потянувшись, я закрыла глаза и провалилась в глубокий сон. И снились мне счастливые родители. Мои и Никитины. Они в полном одиночестве кружились под плавную мелодию вальса в огромной зале на фоне белоснежных стен и больших овальных окон, занавешенных ажурным тюлем.

– Мария, Мария Валентиновна, – окликнул меня молодой брюнет в черном фраке с карими выразительными глазами. Он медленно проявился на фоне танцующих пар. – Мария Валентиновна, вы знаете, что ваш муж исчез?

– Откуда исчез? – кокетливо улыбнулась я. Эйфория от музыки расслабила, решать заумные задачи не хотелось. К тому же, кто верит героям сновидений, даже таким симпатичным?

– Вы скоро станете моей женой, – карие глаза заискрились, красиво очерченные чувственные губы растянулись и приоткрыли белые ровные зубы.

Звякнули колокольчики, долгий тягучий гудок прорезал мое сознание, я вздрогнула и проснулась. За окном светало. На тумбочке подскакивал и надрывался мой старомодный кнопочный мобильник.

– Маша, – кричала в ухо встревоженная фельдшер скорой помощи Валя Синицина. – Маша, Никита дома?

– Неааааа, – удивленно протянула я.

– Куда он делся? – Валя не понижала тона. – Уже час ждем, как он вышел за сигаретами!

– Муж не курит, – окончательно проснулась я.

– Ничего не понимаю, – фельдшерица всхлипнула. – Но он сказал, что именно за куревом, и убежал, будто за ним гнались. А сейчас вызов, на сердечный приступ ехать надо.

Она отключилась, а я встала и пошла на кухню. На столе, возле сахарницы, лежала пачка каких-то импортных изделий.

– Никита! – позвала я, обошла все углы и убедилась, что супруга в квартире нет.

Глава 2. Безднадёжность

Вернувшись на кухню, я взяла со стола неизвестный предмет и обнаружила, что это коробочка с сигаретами. Сколько себя помню, никто из моего окружения не курил, поэтому я забыла, что представляют собой табачные изделия. Белого цвета пачка с одухотворенно парящей длиннокрылой птичкой в верхнем правом углу названа «Winston», внизу устрашающе зияет предупреждение о вреде курения на английском языке. Я повертела предмет в пальцах и порадовалась за юмористов-производителей. Прикол с курящей птичкой озадачил, а значит, удался.

В пропажу Никиты не верилось, и вообще меня трудно чем-то испугать, так как привыкла, что за каждым поворотом прячется неожиданная неприятность. Просто посылаю эти неприятности к чертовой матери и шагаю дальше. А вот чертова мать, наверное, замучилась принимать незваных гостей. Я ей сочувствую, но ничем помочь не могу – своя рубашка ближе к телу.

– Мама, – окликнул меня Стасик. – Почему ты не спишь, мама?

– В туалет встала, – соврала я. – А ты иди, подремли еще.

Сын потер кулачками глаза и произнес фразу, которая меня ошеломила.

– Папу во сне видел, – сообщил он. – Папа сказал, что уезжает далеко-далеко и не вернется до тех пор, пока не разбогатеет.

– А куда он уезжает, не сказал? – чувствуя, как задрожали коленки, прошептала я.

– Нет, – пожал плечиками Стас. – Я пошел досыпать.

«Он нас бросил, – успела подумать я. – А ведь мог предупредить. Хорошо, решил сделать семье сюрприз, хотя сюрпризы в моем понимании должны быть только приятными, но зачем удрал посреди смены с работы? И причем тут сигареты?»

«Шерлок Холмс в юбке, – хмыкнуло внутреннее Я. – Как теперь семью тянуть будешь? На панель пойдешь или наркотики продавать станешь?»

– Пошел ты к черту! – выругалась я и еще раз пожалела чертову мать.

Слез не было, не было паники, зато накатила глубокая безнадёга. Надо было что-то предпринимать. Что? Напроситься на житье к родителям, а свою квартиру сдать? Только не это, я не протяну и недели! Может, уйти к предкам мужа? Они спокойнее, доброжелательнее. И посадить себе на шею четверых?

И снова зазвонил мобильник.

– Никита не появился? – услышался встревоженный голос Вали Сенициной.

– Не появился, – обреченно произнесла я.

Валя отключилась.

«Найти вторую работу? – продолжала рассуждать я. – Например, пойти уборщицей в ЖЭУ, чтобы мыть лестницы по ночам? Стыдно, конечно, но выхода нет. Не могу же я бросить садик, благодаря мне туда пристроены мои дети! А как же без помощи мама с папой?»

Я поставила на конфорку чайник, и пока он кипятился, тупо раскачивалась на стуле. А потом вдруг вскочила и побежала к стационарному телефону звонить свекрови. Трубку долго не брали, наконец, услышался недовольный голос Алевтины Михайловны:

– Что случилось, Маша?

– Никита у вас? – обмирая в ожидании положительного ответа, спросила я.

– Нет, – голос повысился на две октавы, видимо, сон покинул пожилую женщину. – А что?

Вы поссорились?

– Не поссорились, – промямлила я. Мои опасения подтвердились, супруг испарился.

– Где мой мальчик? – закричала Алевтина Михайловна. К ней присоединился свекор.

– Если бы знала, не позвонила вам, – буркнула я.

– Звони в больницы, – вырвал трубку у жены Сергей Николаевич.

– Хорошо, – сглотнула я, отсоединилась и начала обзванивать лечебные заведения. Бесполезно. Затем пошли в ход телефоны моргов. Слава Богу, и тут пронесло.

– Почему ты плачешь? – подошла ко мне сзади Яна. За ней маячил Стас. Детские личики кривились от боли и сострадания.

– Все нормально, – я взяла себя в руки и через силу улыбнулась, – всё о, кей! Умывайтесь, я сварю вам кашку.

Ребята развернулись и потопали одеваться, а я решила, что обязательно что-нибудь придумаю, мои родные не будут голодать. Сегодня суббота, ЖЭУ работает, после завтрака отправлюсь туда.

Но после завтрака залился трелью мобильник и папа сообщил, что маме хуже.

– Она умирает, – заявил папа.

– «Скорую» вызвал? – всполошилась я.

– Нет, – опешил родитель.

– Так вызывай! – заорала я. – У меня муж пропал! Понимаешь, муж! А вы, как маленькие дети, без няньки совсем обойтись не можете!

– Как... пропал? – оторопел папа. – Лидушка, Машку муж бросил!

Это он уже говорил матери.

Пронесло, значит, Лидушка жива. Заявления о ее предсмертном состоянии я получаю раза два в неделю и прекрасно понимаю, что они означают. Предкам нужна нянька и сиделка в одном флаконе.

Я швырнула сотовый на пол и побежала в ванную. Там включила воду и стала рыдать. Надо было выплакаться, иначе нельзя. Иначе дети поймут, что они беззащитны.

Наплакавшись вволю, я вышла в коридор, нацепив на лицо улыбку. Прижавшись друг к другу, дети стояли возле двери и с подозрением смотрели на меня.

– Всё о, кей! – повторила я и решительно двинулась на кухню.

В ЖЭУ толпился народ, озабоченно бегали по коридору жилищники.

– Зина! – высовываясь из двери, закричала во весь голос полная женщина. – Зина, прими заявку!

– Бегуууууу, – отозвалась худая, как палка, Зина и поспешила в одну из комнат.

– Вы к Олегу Николаевичу? – подняла густо подведенные бровки симпатичная секретарша. – Он будет через пять минут, подождите.

– В домах убирается клининговая компания, – обмерил меня липким взглядом с головы до ног молодой директор. – У них, по-моему, полный набор, но можете на всякий случай поинтересоваться по телефону.

– Бесполезно, – зашел в кабинет усталый мужчина средних лет. – Только сегодня новенькую приняли.

– Главный инженер знает наверняка, – развел руками Олег Николаевич.

Не попрощавшись, я бросилась вон, будто за мной гнались. Ноги взяли на себя инициативу и понесли туловище, а оно, словно зомби, беспрекословно последовало за ними. Мыслей не было, была адская боль, разрывающая мозг в разные стороны. Не знаю, сколько прошло времени, но я внезапно очнулась.

Скамейка, на которой я сидела, прислонилась к высокому и необычайно толстому дубу, в дубе виднелось огромное дупло.

«Такими бывают только баобабы», – подивилась я, но тут же переключила внимание на окружающую обстановку.

Узкая дорожка жирным удавом вилась меж вековых сосен, где-то щебетали невидимые птицы. Солнце еле пробивалось сквозь гигантский хвойный зонтик, раскидывая по не примятой траве желтые брызги, а потому обстановка казалась особенно загадочной. Стояло лето, июнь, – самое время для отдыха у водоема, который из-за безденежья моим детям не светил.

«Как же я быстро добежала до лесопарка, – с недоумением подумала я. – А он в двадцати минутах ходьбы от нашего дома. И место незнакомое. Сколько гуляем здесь, а такого мощного дерева не видели. Впрочем, о чем я думаю? Надо скорее решать насущные проблемы, а не трусливо бегать от неудач».

И вдруг я услышала гул. Сначала он был тихим, потом начал нарастать. Я поднялась, осмотрелась, наклонилась, встала на четвереньки и прислонила ухо к земле. Тихо. Снова поднялась. Подошла к подозрительному дубу и Вздвогнув, я поняла, что этот тревожный звук доносится именно из дупла.

«Странно, – пожала плечами я, – что бы это значило»?

Глава 3. Хижина дяди Прохора

Длинная юбка мешала, но я все же закинула ногу в огромное дупло и подумала, что могла бы в нем поместиться, несмотря на свои сто шестьдесят пять см и пятьдесят семь кг. Макси я носила с удовольствием не потому, что у меня кривые ноги. Ноги были красивыми и на них слишком часто заглядывались. Это напрягало. Под мужскими взглядами я чувствовала себя неуютно.

Сунув голову внутрь, я отпрянула от спёртого, едкого воздуха. В носу защекотало, я чихнула. Перед глазами повисли сорвавшиеся с верха многочисленные тенёта, исследовать дерево расхотелось. Я уже надумывала ретироваться, как гул резко прекратился, и я явственно услышала странные звуки. Сладко колеблющиеся в воздухе аккорды незримого незнакомого инструмента прекрасно сочетались с мужскими голосами. Пели дуэтом.

«Чёрт побери, – усмехнулась я. – Машу Серову галлюцинациями не испугать».

Я верила в провидение и не теряла надежды, что когда-то мне крупно повезёт, например, найду клад, а потому решительно смела паутину и, подтянувшись, опрокинулась всем телом на дно чьего-то дубового жилища.

Плюхнувшись на моховую подстилку, я огляделась. Полумрак. Наверху и по обе стороны стены были черны от гнили, но впереди зияла круглая дыра. И в дыре этой виднелся белесый свет.

– Ты изюминка, наша ягодка,
Наливной сладкий яблочек,
Он по блюдцу катается,
Сахарком рассыпается.

Раздольная русская песня неведомых вокалистов проникла не только в мое тесное прибежище, но и сердце.

«Вперед!» – приказала я себе и решительно вывалилась из дупла.

Луг с дикоросами простирался до хвойного леса, посреди луга расплескалось серебристое озеро, возле него сидели два человека. Пьянящий аромат цветов, среди которых лидировал донник, ударил в нос, закружилась голова. Никогда не подозревала, что бывает такой чистый, свежий, полный здоровой энергии воздух!

Музыка прервалась, мужчины встали с травы и уставились на меня.

Я не боюсь сильный пол, тем более тот сильный пол, который так задушевно поёт, я не боюсь оказаться слабой, потому что когда-то занималась каратэ. Но я боюсь ненормальности. А ненормальность незнакомцев была видна даже невооруженному взгляду.

Окладистые чеченские бороды, стрижки под горшок, свободные багряные рубашки с поясами, серые широкие штаны и лапти делали парочку неповторимой. К тому же, у одного, того, что повыше и постарше, на груди висела бельевая веревка с привязанной к ней продолговатой доской. У ног молодцов лежали обструганные, потемневшие от времени, палки.

– Ты кто? – перекрестившись, выступил вперед тот, что пониже и помоложе, светловолосый, плотный, с круглым добродушным лицом.

– А вы кто? – нервная улыбка скользнула по моему лицу. – Артисты или популисты?

Мужики непонимающе переглянулись.

– Свят, свят, – тоже перекрестился второй, худощавый черноокий брюнет лет сорока пяти, и показал пальцем на дуб. – Ты оттудова?

По их испуганному виду я поняла, признаваться, что я, словно белка, вылезла из дупла, ни в коем случае нельзя. Надо что-то придумать.

– Заблудилась, – моё внутреннее Я в кои века пришло мне на помощь. – Оттуда пришла. Молодцы повернулись в направлении моей руки и уткнулись взглядами в лес.

– Из Кирилловки? – поинтересовался светловолосый.

– Ага, – не моргнув, соврала я. – Из Кирилловки. Давайте знакомиться.

– Савелий, сын Иванов, – улыбнулся светловолосый.

– Прохор, сын Ефремов, – представился второй. И добавил. – Черносошенные мы.

Что такое «черносошенные» я не знала, но на всякий случай соорудила на лице восхищение.

– Как величать-то? – отмерли мужички.

– Мария, дочь, – немного подумав, я решила изменить ник. – Дочь Петрова.

– Не Василья девка? – поинтересовался Савелий.

Слово «девка» покорило, но я его проглотила.

– Василия, – согласилась я.

– Дык мы тебя вспать проводим, – провозгласил Прохор.

Перспектива оказаться в неведомом селе меня не порадовала.

– Это вы пели? – сменила я тему разговора. – Спойте ещё, пожалуйста.

– А давай! – махнул рукой Иванов сын.

Ефремов уселся на траву, положил себе на колени доску и начал щипать её сильными, поросшими волосами пальцами. И тут я увидела, что на доске прибиты струны.

– Федосей, Федосей, не паси гусей,
Ты себе, Федосей, наливай по всей!
Уж как наш Федосей наловил карасей.
Сам по воду сходил, сам печку затопил.
Карасей наловил! Иииииих!

Залихватская музыка преобразила артиста. Он разомлел, на щеках появился румянец, очи засияли. А я во все глаза смотрела на струнно—щипательный инструмент и думала, что его можно будет дорого продать на аукционе какому-нибудь богатому коллекционеру. Откуда Прохор взял его? Украл из музея? И прикиды они стащили оттуда же! В таком случае, преступников ищут, и я явлюсь в полицию, чтобы сдать их. Возможно, меня наградят и дадут премию. Только бы не посмертно.

– Уж как наш Федосей, – продолжил выводить Савелий, – наловил карасей. Сам по воду сходил, сам печку затопил, карасей наварииииииил! И-э-эх!

«А что если я попала в прошлое, – неожиданно осенило меня. – Следовательно, я нашла золотую жилу в виде антиквариата. И его в их деревне не меряно. Только надо быть осторожной и не потерять из виду дуб».

Певуны примолкли.

– Хочу есть и пить, – моё второе Я импровизировало. Видимо, оно тоже жаждало нажиться на ситуации. – Можно я переночую в вашем селе?

– В Ефремовке? – дуэтом поразились артисты, но спустя минуту, пожав плечами, изрекли. – Аки не шуткуешь, тады пойдем.

Они встали, взяли длинные обструганные палки, похожие на шесты и, по-стариковски опираясь на них, тяжело потопали вдоль озера, я последовала за ними. Обогнув его, мы удалились по тропке меж листовенного леса к незнакомому селению. Шли недолго, минут пятнадцать, а я всё время оглядывалась, запоминая дорогу к дубу. Время от времени появлялась

трусливая мыслишка, что дупло может исчезнуть, но тут же вспоминались лишённые летнего отдыха, оставшиеся одни дома мои несчастные дети.

«Обязательно надо заработать, а Стасик и Яночка, если меня долго не будет, позвонят по стационарному телефону Лидушке и отцу, – убеждала себя я. – Лидушка на время перестанет умирать, а дед приедет к внукам и переночует в нашей квартире».

За высокой березой дорожка прервалась и уступила место зеленой лужайке. За лужайкой стояли дома. Вернее, низенькие, вросшие в землю, избушки, обычно такие показывают в сказках, но там они щеголяют на курьих ножках. Черные бревна, затянутые чем-то полупрозрачным крохотные оконца, одно на весь фасад, вогнали в тоску.

«Настоящие трущобы! – ахнула я. – Разве можно в них ночевать?»

Лачуг было, наверное, штук тридцать – целая улица. Возле них пристроились крохотные надворные постройки, важно прохаживались гуси и кудахтали куры.

– Айда, – велел мне Прохор и свернул к крайней хижине.

– Покеда! – махнул рукой Савелий и, опираясь на палку, пошёл дальше.

Вблизи изба без фундамента оказалась еще страшнее. У неё не было печной трубы, а значит... Значит, она топилась по-чёрному или обогревалась конвекторами. Конвекторы, по причине дороговизны и отдалённости объекта от цивилизации, я тут же исключила, а пока исключала, мы, минуя низкую одностворчатую дверь, вошли в сени, а из них, перешагнув порог, в гостиную.

На минуту я ослепла, а когда тьма, благодаря двум оконцам, второе обнаружилось в торце, рассеялась, увидела, что комната примерно в двадцать пять – тридцать квадратов в доме одна-единственная и обставлена допотопной самодельной мебелью.

По периметру стояли сплошь лавки и сундуки, посередине стол, на когда-то побеленных стенах висели полки с глиняной посудой, такие же полки, только шире, расположились наверху, по правую сторону примостилась большая печь, по диагонали от неё, в углу, висели иконы. Задрав голову, я обнаружила, что прокопченный потолок, скорее всего, залеплен глиной. Но еще большее разочарование ожидало, когда я взглянула вниз. О, лучше бы туда не смотрела – полы в жилище были земляные, от них веяло сыростью.

«И как же здесь спать! – мысленно ахнула я. – Заключение в тюрьмах живут в лучших условиях»!

– Оседай, – кивнул на длинную лавку слева хозяин дома. – Погоди чуток, сейчас насыщу.

Он отвернулся, а я стала пристально вглядываться в рассеянный полумрак в надежде увидеть раритетные вещишки. От глиняной посуды я тотчас отказалась, её можно разбить при побеге, а вот струнно-щипательный инструмент плюс иконы самое то, надо только найти рынок сбыта. Нет, я не такая уж коварная, хоть и зарюсь на последнее бедняка Ефремова, я обязательно вернусь и притащу ему.... Притащу ему что-нибудь нужное. Себе, разбогатев, поменяю посуду, шторы, тюль, одежду, обувь, тапочки, наконец, а пожитки отдам Прохору. К тому же, у меня есть....у меня есть... бижутерия, которой он сможет одаривать местных красоток. Обстановку в своей квартире тоже поменяю, только протащить старую мебель через дупло, чтобы презентовать Ефремову, не получится. Жаль!

– Ешь, – повернулся ко мне Прохор, и его борода, будто прочитав мои мысли, угрожающе приподнялась.

Я встала, подошла к столу, на отскобленных досках красовались большая кошачья миска с неопределенного цвета кашей-размазней и потрескавшаяся деревянная ложка. Возле этого мрачного великолепия вальяжно шевелил усами большой чёрный таракан. Почувствовав рвотные движения, я выбежала наружу и судорожно втянула в себя солидную порцию пропитанного донником воздуха.

Глава 4. Влипла

На улице, поросшей гусиной травкой, важно вышагивала домашняя птица. Возле соседней избы-близнеца перебирала копытами белая коза и косила на нас любопытным глазом.

– Антисанитария! Тараканы даже по столу разгуливают! – накинулась я на Прохора, когда он, ничего не понимающий, выбежал за мной.

– Аки без тараканов? – растерялся Ефремов. – Чай оне к зажиточности. И таракановка джуже справная, с ног сшибат.

– То-то вы разжились, – презрительно ухмыльнулась я. – У нас в подвалах, где обитают бомжи, чище и богаче.

– Чево-сь? – не понял мужик и поскреб в затылке.

О вшах и водке с изысканным названием «Таракановка» думать не хотелось, я обречённо махнула рукой, мечты быстро обогатиться улетучились. Значит, в данной ситуации подойдёт скрупулезный и пошаговый план, но для него необходимо узнать, куда я попала: в параллельный мир или прошлое. Если в прошлое, то в какой век?

– Ваше мнение о Петре Первом? – пришло на помощь внутреннее Я.

– Петр Алексеич представился, – откликнулся Прохор. – Полно, ох, полно он душ загубил!

– А кто сейчас на престоле? – мое подсознание в надежде на прибыль работало с энтузиазмом, достойным успешного предпринимателя.

– Супостаты подпихнули Анну Иоановну, – загрустил Ефремов, – а она Расею изничтожает.

Анна Иоановна? Не помню! Что-то слышала о ней на уроках истории. Но что?

Внезапно замычала корова, я вздрогнула и увидела, что, собравшись в стайку, на меня с любопытством смотрят голоногие ребятишки лет пяти-шести в длинных, до колена, холщовых рубашках. И тут я им позавидовала – отличная экология, сыты, одеты, родители рядом и никаких налогов, жилищных поборов и шокирующих ценников!

– Кыш! – шикнул на зевак абориген. Мальчишки засмеялись и разбежались в разные стороны, а у меня сжалось сердце. Как там мои дети?

– Расскажи о царице, – попросила я и, повертев по сторонам головой, увидела поваленное бревно под слепым оконцем ефремовской лачуги. – Сядем, и расскажи. Обо всём расскажи.

– Аки любопытно? – улыбнулся Прохор и тяжело плюхнулся рядом.

На этот раз уроки истории обещали быть интересными.

– Немцы Расеей правят, – уныло начал повествовать он. – Нонеча Бирон, полюбовник ейный, злобствует, казну царску растащили, не только бояр за недоимки, а и простой народец на каторгу засылают, изводят изрядно, в остроги садят. Нас, тягловых, черносошенных, оброками и податями заволокли, бумаги поганы пишут, аки пращуры наши крепостными были, и в крепость берут. Держимся покамест, но что дале будет, не ведам. Ужели про оно Василий не сказывал? Говор джуже у тебя диковинный.

Значит, я в прошлом, а передо мной черносошенный, то есть, свободный крестьянин. Прошлое – это хуже или лучше параллели?

– Сказывал про оно, сказывал, – взяв себя в руки, закивала я и прикусила губу. Если хочу добиться успеха, надо переходить на их тарабарский язык. Хорошо ещё, что изъясняются не так запутанно, как написано в прабабушкином молитвослове, иначе бы мне конец. И ещё повезло, что я явилась сюда не в джинсах!

– Говор? – внезапно изрекло моё второе Я. – Говор с севера, там так говорят.

– Василий-то тутошний, – раскрыл рот Прохор. У него оказались крепкие, не тронутые кариесом, зубы.

Я поняла, что сморозила глупость, но, слава Богу, послышался цокот копыт, в конце улицы показался всадник. Пригнувшись к крупу белой лошади, он, как угорелый, неся по деревенской дороге, пыль расстилалась за ним шлейфом.

– Боярин тутошний, Оболенский, – быстро проговорил абориген и встал, чтобы поклониться. Я осталась сидеть на бревне.

К удивлению крестьянина, возле нас всадник остановился. Спешившись, он похлопал коня по холке и всем корпусом развернулся.

Я во все глаза уставилась на боярина, видеть такое чудо приходилось впервые. Во-первых, он был красив и молод: выющиеся черные волосы, усы, бездонные очи, благородный овал лица, прямой нос, выше среднего роста, стройный. Во-вторых, у него была особая харизма, а вот одет... почти так же как и Ефремов, только кремового цвета рубашка из шёлка со сверкающими камушками на кокетливом воротнике, вышитая золотыми нитками на груди затейливым орнаментом, штаны из тафты, шпага и мягкие кожаные сапожки отличали дворянина от землепашца.

– Это кто? – строго спросил у Прохора Оболенский и смерил меня высокомерным взглядом.

– Из Кирилловки девка, Григорий Михайлович, – кланяясь, потупил глаза крестьянин. – Василья Петрова дочь.

– Ужели? – хмыкнул боярин. Моя ухоженная внешность горожанки из двадцать первого века не вызвала у него доверия. – Как величать?

– Марией, – промямлила я, – Валенти... ммм... Васильевной.

– Што Мария Васильевна делает в твоей избе? – поинтересовался местный олигарх и осуждающе посмотрел на Ефремова. – В полюбовницах али в холопках ходит?

– Сёдни на озере повстречалась, – оторопел тот. – За мной увязалась.

– Што увязалась-то? – поднял брови Григорий Михайлович.

– На гусях я бренькал. Грит, песня ей приглянулась. Дык у самого сумнение имеется, завирается Машка.

– Садись, Мария Васильевна, – скомандовал боярин и кивком показал на холку нетерпеливо бьющей копытом тонконогой лошади, – домой тебя повезу, туда следуя.

– Сама дойду, – побледнела я и попятилась.

– Перечить мне? – возмутился Оболенский. Сделав широкий шаг, он схватил меня за талию и водрузил на коня. Сам взлетел на седло, прижал к себе и помчал далеко от дуба с его спасительным дуплом.

Я плакала в голос, молила о свободе, вырывалась, но похититель, усмехаясь в усы, косил на меня черным цыганским глазом и молчал.

Мимо проплыли убогие деревенские хозяйства, затем пашни, густой сосняк, и, наконец, другая деревня появилась на горизонте.

«Главное, никуда не свернули, – между взрывами отчаяния успокаивала себя я, – так что выход в свой мир обязательно найду».

«И что ты будешь делать в своем мире? – высунулось из тьмы подсознания моё второе Я. – Как прокормишь и обслужишь всю нуждающуюся в тебе ораву?»

«А что я буду делать здесь? – моё сердце рвалось на части. – К тому же, Яна и Стас остались дома одни!»

– Пррррр! – приказал боярин, лошадь резко остановилась, а я чуть не вывалилась из его крепких рук.

Точно такая же, как и у Прохора, одноглазая, без трубы, избёнка приткнулась к мощному стволу высокой березы. По периметру рассыпались небольшие надворные постройки.

– Эй, хозяйка! – прижимая меня к себе, крикнул Оболенский. – Принимай утрату!

Несколько минут, проведенных в объятиях упрямого, как осел, феодала, показались мне вечностью.

Но тут дверь избушки распахнулась и из неё вышла пожилая женщина. На ней была белая рубашка с длинными рукавами, поверх которой красовалось нечто типа красного сарафана до пят, голову обнимал завязанный под подбородком светлый платок.

Женщина, вытянув вперед руки, осторожно пошла на наши голоса.

«Незрячая», – констатировала я.

– Где Василий? – осведомился мой похититель.

– На пашне, – уныло отозвалась хозяйка.

– Што ты, Маланья Кузьминична, дочь не берегёшь? – опуская меня на землю, незлобиво проворчал боярин.

– Каку? – не поняла слепая.

– Таку, – передразнил её Григорий. – Марию Васильевну.

– Машку? – баба вздрогнула, остановилась и как будто задумалась. Её бескровные сморщенные губы мелко задрожали, из глаз потекли слёзы.

– Приношу слезницу, не уберегла, боярин, – неожиданно завывла Маланья и пошатнулась.

Я бросилась к ней и обняла. Тело несчастной трясло и колотило.

– Што ревёшь? – не понял Оболенский. – Радоваться надо.

– Аки радоваться? – возмутилась слепая, её крупные ладони сжались в кулаки. – Помёрла моя Маня, вчера схоронили.

– Как... схо-ро-ни-ли? – старательно разделяя слова на слоги, проговорил Оболенский и, словно прокурор, сурово уставился на меня.

Глава 5. Слепая

Впервые в жизни я не знала, как вывернуться из затруднительной ситуации, второе Я притихло и трусливо помалкивало. Упорно ожидая чуда, я с нетерпением поглядывала на небо с редкими перистыми облаками, и чудо произошло.

– Маняаааааааа! – вдруг завопила Маланья Кузьминична и стала неистово тискать меня в объятиях.

– Ты же схоронила её? – опешил Оболенский.

– Бог взял, Бог и дал! – трясущиеся пальцы женщины пробежались по моему лицу и погладили темечко.

– Понятно, – боярин смущенно кашлянул в кулак, на большом пальце правой руки блеснуло кольцо с изумрудом, и через минуту взлетел в седло.

«Неужели пронесло, – мелькнула обнадеживающая мысль, – неужели поверил?»

– Жди меня, красна девица, вернусь непременно! – не оборачиваясь, крикнул Григорий и, вонзив шпоры в бока заржавшей лошади, ускорил шаг.

Я глубоко вздохнула, мысленно поблагодарила высшие силы и покрутила головой по сторонам. Большая бревенчатая изба в два этажа высилась где-то в середине улицы, заставленной подслеповатыми лачугами. Возле неё стоял вороной конь.

Шершавые ладони слепой продолжали гладить меня, сухие губы что-то шептали.

«Молитву», – предположила я.

– Девонька, – внезапно громко и глухо проговорила Маланья Кузьминична, – ты воротилась, девонька.

Моё Эго встрепенулось и всхлипнуло от жалости к несчастной, потерявшей своё дитя.

«Успею ли до ночи дойти до дуба?» – стараясь не обращать внимания на сентиментальное подсознание и бабские причитания, озадачилась я и почувствовала, что дрожу.

– Айда в избу, касатка, – перестав рыдать, Маланья обняла меня за талию. – Али по надобности хотишь? Вон тама облегчись!

И она кивнула на кустики возле небольшого прокопченного строения.

Просторная комната с печью, та же скромная обстановка, тот же земляной пол, только чище, чем в жилище у Прохора.

Поискав глазами тараканов, я с удовольствием осознала, что их нет, а потому присела на выскобленную до белизны деревянную лавку. Неожиданно хозяйка лачуги опустилась возле моих ног и обняла их. Я вздрогнула.

– Диво Господь сотворил, – всхлипнув, произнесла она и положила голову на мои колени. – На Маньку ты больно схожа.

– Вы же не видите, – оторопела я. Червячок сострадания шевельнулся где-то внутри.

– Руками вижу, – шмыгнула носом Кузьминична. – Маньку мне Господь возвратил, понеже я ему поклоны клала.

– Я не Манька, – мои слова зазвучали неубедительно. – Я Маша Серова, Мария Валентиновна.

– Спи-тко, миленька, отдохни, – не слушая меня, печально молвила женщина. – Завтрева я тебе сбитень и грешневые блины сварганю.

«Грешневые, – хихикнуло Эго. – От слова «грех».

«От слова «гречка», – осуждающе покачала головой я.

Хозяйка поднялась и уверенно пошла к печи, а мне захотелось завывать от отчаяния. Там, в двадцать первом веке, ждут голодные дети, а тут, в прошлом, как назло встретила несчастная мать, которой необходима именно моя поддержка.

«Необходимо успокоиться, – откидывая в сторону сантименты, начала размышлять я. – Если рассуждать логически, надо немедленно бежать к дубу, а не разлёживаться на узкой лавке, похожей на жесткую вагонную полку. Плевать на раритетные вещицы, что-нибудь придумаю и в родном веке. Но почему так не хочется вставать? И глаза слипаются».

Манящая таинственная завеса опустилась с закопченного потолка, она заволокла пространство комнаты и вплотную приблизилась ко мне.

– Хлебни, Маняша, – сквозь белесую дымку поднесла к моему рту чашу с неизвестной коричневой жидкостью Маланья. – Хлебни и полежи. Чай, измаялась сёдни.

И она запела так ласково и так нежно, как пела в далёком детстве моя бабушка:

– Люли-люли-люли,
Прилетели гули.
Сели на воротцах
В красных чеботцах.
Стали гули говорить,
Чем нам Машу накормить?
Сахарком и медком,
Сладким пряником.
Сладким пряником —
Коноплянником.
Коровку подоим —
Молочком напоим.
Стали гули ворковать —
Стала Маша засыпаааать.

Она ещё пела, а я уже проваливалась в глубокий сон под пристальным взглядом больших незрячих глаз.

Проснувшись я от голосов. Возле стола высился бородатый мужчина, чей стиль одежды не отличался от прикида остальных мужчин этой эпохи. На лавке сидела Маланья и плакала.

– Чтой-то ты удумала? – бубнил под нос неизвестный. – Маню не возвернёшь, а лишний рот нам не нужён.

– Всех детищ схоронили, одна Маня оставалась, а надысь и её не уберегли. Убивались-то мы как! Таперича Бог нам её возвернул, сжалел стариков, а ты супротив, – не соглашалась с мужиком Кузьминична. – Нутром чую, дщерью покорной станет.

«Это Маша Серова покорной станет? Фигушки! – захотелось громко расхохотаться. – Впрочем, который час?»

Я сунула ладонь в потайной карман юбки, где хранились ключи от квартиры, расстегнула молнию и вытащила оттуда кнопочный мобильник. Он разрядился, так что узнать время не предоставлялось возможным.

– Пробудилась, – обрадовалась хозяйка, бросилась ко мне с объятиями, а я еще раз поразились приткости слепой.

Мужчина оглянулся, на его лице промелькнуло удивление.

В крохотном окошке стояла чернота. Вспомнив о детях, я кинулась к створчатой двери.

Полная луна желтым блином нависала над спящей деревенькой, по небу крупным люреком рассыпались звёзды. Будто на кладбище, стояла оглушительная тишина. Нигде ни огонька, ни шороха, ни звука.

«Это и есть кладбище, – наконец, ожило второе Я. – И общаешься ты действительно с мертвецами, ведь этих аборигенов давно уже нет».

«Яна и Стас! – меня заколотило. – Яна и Стас сейчас одни, а я дрыхну тут как сурок»!

«Яна и Стас сейчас с твоими родителями, – мягко произнесло Эго. – Пока ты не появишься, Лидушка умирать не будет».

«Может, Никита вернулся»? – промелькнула обнадеживающая мысль.

«Может, – согласилось подсознание. – А идти ночью к дубу опасно».

– Маня! – послышался густой бас. – Маня, подь в горницу, вечерять будем. А меня величают Василием Макарычем.

Стараясь не паниковать, я последовала за мужиком. В избе топились печь, горела, шипя в воде угольками, лучина и вкусно пахло. Теплый, сухой дым от ровно потрескивающих берёзовых дров неспешно уходил под потолок и скрывался за полатами. На столе лежала краюха чёрного хлеба, возле неё примостились три глиняные тарелки с какой-то разваренной до пюреобразного состояния ярко-желтой размазней, рядом приткнулись расписные деревянные ложки. Как ни странно, хлеб был горячим, от него шёл пар.

При взгляде на пищу заурчало в животе. Я поискала глазами рукомойник, он находился у входной двери. Подойдя к нему, я обнаружила на длинной, широкой полке кухонную утварь, на узкой и короткой, расположенной под ней, миску с подозрительной тёмно-серой взвесью.

– Где мыло? – осведомилась я у парочки жмуриков, с благоговением поглядывающих на меня.

– Мыло? – дуэтом переспросили они и переглянулись.

– Грязюку смывать щёлоком надобно, – наконец, догадалась Маланья. – Завтрева баньку топить будем.

Игнорируя желудочно-кишечные заболевания и неведомый щёлок, я просто ополоснула руки, вытерла их куском материи и принялась за еду. Размазня оказалась гороховой кашей, приправленной нерафинированным растительным маслом, я поела её с аппетитом изголодавшегося зверя и мыслила о том, что вкуснее никогда ничего не пробовала.

Когда тарелка опустела, на стол поставили горшок с неизвестным напитком. Им оказался сбитень. Питьё обладало резким вкусом и запахом, но после него появилась бодрость.

Насытившись, я откинулась к стене и решила задать вопрос, который давно мучил:

– Не будете же вы держать в неволе женщину, у которой есть дети?

– Каку таку женщину? – насторожились Петровы.

– Меня, – всхлипнула я.

– У тебя есть чада? – не поверили будущие покойнички. – И мужик есть?

«Муж объелся груш», – подумала я, но вслух сказала:

– И мужик есть.

Разочарование промелькнуло в глазах крестьян, но они взяли себя в руки и закивали. На душе стало легче, я улыбнулась и решила непременно стариков отблагодарить. Чем? Придумаю позже.

– Аки ты из посада? – печально спросила Кузьминична.

– Из города, – откликнулась я. – Из Вознесенска.

– Из ремесленников али купцов? – подал голос Василий Макарыч.

– Из ремесленников, – не раздумывая, выдала я и подумала о том, что завтра увижу своих детей.

Маланья вскочила с места, достала из сундука что-то типа старого пальто и расстелила его на полке. А потом указала мне на импровизированную постель. И снова я подивилась её небывалой для слепого человека расторопности.

Глава 6. Из огня да в полымя

Заснула я не сразу, постель была страшно неудобной. Чтобы заглушить неудобство, я представила, что лежу в поезде, следующем на море, в жёстком вагоне, на сбившемся комками матрасе. Не помогло. Матрас вспоминался с нежностью. И плацкарта с нежностью. Под красным углом, где висели иконы, храпел Василий, возле печи постанывала Маланья. Незаметно глаза стали слипаться, сладкая истома захватила в плен тело и я провалилась в сновидения.

Еще только начало светать, а хозяева проснулись. Помолившись перед иконами, погретев посудой, они уселись за стол завтракать. Меня не будили, а я притворялась, что сплю. Говорили тихо, потому едва различались отдельные ничего не значащие слова. Я не понимала, почему затаилась, ведь мне обещали свободу, но внутренний голос насторожился. Он готовился к предательству.

Наконец, Василий встал и направился к двери. Словно спохватившись, Маланья подбежала к нему, сунула узелок с провизией и, поднявшись на цыпочки, обняла бычью шею мужа. И тут заголосили петухи. Один, другой, третий. Замычали коровы, заблеяли овцы. Деревенька перестала походить на кладбище, я улыбнулась и открыла глаза,

– Пробудилась? – обернулась ко мне Кузьминична. – Еще вчера грешневых блинов спекла, ступай утреничать

Я покорно поплелась к рукомойнику, поплескала себе в лицо холодной воды и села за стол. Есть не хотелось, но необычного цвета аппетитные блинчики изменили моё решение поголодать. К тому же, они одуряюще пахли. Маланья плюхнула в мою миску густой сметаны и налила травяного напитка. По запаху напиток был настоян на душице.

Я ела и из-под ресниц наблюдала за хозяйкой дома. Она свободно расхаживала по горнице и вытирала пыль влажной тряпкой.

– Вы же видите! – мой язык, видимо, слетел с катушек. Нет, не язык, а я, Маша Серова. Какого чёрта ввязываюсь не в свои дела?

Кузьминична застыла, резко развернулась и обречённо махнула рукой. А потом опустилась рядом на лавку и рассказала такую историю. Оказывается, их семью уже давно хочет взять в крепость местный боярин Михаил Панкратович Оболенский, отец того красавца, который привёз меня в Кирилловку. Вот и решили Петровы схитрить. Притворилась Маланья слепой, а кому нужна незрячая холопка? Отстали ироды. Всё было бы у Петровых хорошо, да дочь в лес по ягоды ушла и пропала, видимо, в пруду лесном утонула. Несколько дней искали, выловили тело, только рыбы утопленнице всё лицо выели, лишь по сарафану свою Маню узнали. А тут меня привезли. Пригляделась мать и чуть от радости не упала, очень уж я похожа на утонувшую оказалась, тютелька в тютельку. Не хочет Маланья Кузьминична меня отпускать, да никому не денешься.

«Вот и хорошо, – обрадовалась я. – Значит, сегодня увижу своих детей».

«И вернешься к ним такой же нищей, какой пришла сюда, – возмутилось моё второе Я. – Пойми, дурёха, Яна и Стас под присмотром, им нужна не ты, а примитивные деньги».

Я обвела избу глазами в надежде выклянчить какую-нибудь ценную раритетную вещичку, не повезло. Только иконы висели в красном углу, но с иконой ни один здравомыслящий христианин не расстанется.

И тут неожиданно поплыло в голове, окружающие предметы тоже поплыли в медленном хороводе, затем хоровод превратился в карусель, она интенсивно набирала обороты, превращаясь в ослепляющий металлический стержень.

– Маня возвратилась? – мужик лет пятидесяти топтался возле меня и чесал густую черную бороду. – Не могёт быть, Маланья Кузьминичка!

– Возвернулась, Потап Тимофеевич, – Кузьминичка разливалась соловьём, щеки её пылали то ли от стыда, то ли от румян. – Григорий Михайлович её ещё вчера на коне доставил. Ты кажи Петру, что невеста жива-здорова.

– Кажу, – закивал мужик. – Таперича верю. А то говаривала Лукишна, а я сомневался. Петро слёзми изошёл, хотел избу кинуть, в посад податься. А куды я без сына? И Акулина Евграфовна куды? Хозяйство без младых дланей оскудеет. И торговлишка сникнет.

– Плутала она длительно, – вздохнула хозяйка дома, – заговариваться от ужасты принялась. Но я хворь всяку лечу, знашь же.

– А где коса ейная? – вдруг заметил мои волосы до плеч гость.

– Вошки завелись, поелику и откромсала, дабы мыть сподручнее было, – соврала, не моргнув глазом, Маланья.

Ничего себе! Это у меня-то вошки? А как ласково она их называет!

– Маня, – наклонился надо мной Потап Тимофеевич. – Маня, дочура моя разлюбезная, не хвора́й боле, ввечеру Петро твой к тебе прибудет.

«Пошёл к чертовой матери», – про себя выругалась я, а вслух смиренно произнесла:

– Выздоровею обязательно.

«Молодец! – завопило второе Я. Оно чуть ли не прыгало от радости. – Свой шанс упустить нельзя»!

«Какой шанс»? – поморщилась я.

«Этот тип богат, разве не видишь из каких тканей у него одежда»? – Эго ликовало.

«Ну, и что? – удивилась я. – Не думаешь ли, что я смогу что-то у него украсть»?!

«Может, выменять»? – предположило второе Я.

«Мобильный телефон или ключи от квартиры»? – хихикнула я.

Эго промолчало, а Кузьминична пристально поглядела на меня.

Не заметив моего веселья, мужик ушёл, а хозяйка дома присела на лавку.

– Маня, не завирайся, Маня, – минуя небольшую паузу, мягко проговорила она. – Нету у тебя дитёв, и мужика нету. Не зрю я их! Поелику не пушу я тебя никуда, Маня. Помру я без тебя тут. И Василь Макарыч помрёт. Замуж за Петьку заместо моей Маняши отдам. Зажиточны Кирилловы, купцы оне, изба аж двух величин, скоро в посад переселятся, там терем поставили. И мы за вами подадимся, дабы в крепость не угодить. Потап Тимофеич сулилс с богатством подсобить и пред Оболенским слово молвить.

– У меня муж есть! – неожиданно терпение моё лопнуло. – У меня дети есть! У меня родители больные, а свекор со свекровью на самом деле ослепли, не то что вы! А вы бессовестная, опоили меня чем-то и за мой счёт хотите свои планы осуществить!

– Супротив пойдешь, проклянущу, – глухо проговорила Петрова и отвернулась. – Всех твоих сродственников проклянущу до седьмого колена!

И тут до меня дошло, что Кузьминична – ведьма. Самая настоящая, возможно, ночами и на метле по небу гоняет. Только вылетает не через трубу, труб в далёком прошлом не существует, избы по-чёрному топят. Я поискала глазами метлу, не нашла, но отсутствие транспортно́го средства тупиковую ситуацию не изменило. И ещё я подумала о том, что пропала.

«Бабушка говорила, что из двух зол надо выбирать меньшее, – отвернувшись к стене, взяв себя в руки, стала рассуждать я. – Дети одни не останутся, а я со временем что-либо придумаю. Однако, странно, меня, двадцативосьмилетнюю, принимают за юную девушку! Или в наше время люди выглядят моложе своих ровесников, живших в минувшие века? Наверное, так и есть. Стоп! Почему Маланья не навела порчу на Оболенских? И почему не предвидела смерть моей тётки? Может, блефует?»

«Если бы блефовала, ты бы не лежала здесь, как тюфяк, – пискнуло моё второе Я. – Сделай вид, что пошла навстречу старой карге. Встреться с женихом, наконец»!

– Што кажешь? – обернулась ко мне Маланья.

– Есть хочу, – улыбка получилась кривой, но колдунья обманулась. Наверное, ей очень хотелось обмануться.

– Ой, погоди чуток! – всплеснула руками Кузьминична. – Щей наварила утречком, репу спекла. Подымайся, голубка.

«Не утром, а ночью, – мысленно ахнула я. – Точно ведьма»!

Чувство оцепенения тотчас оставило моё тело, я облегчённо вздохнула и вылезла из-под старой, драной шубы из неизвестного меха.

Вкуса пищи не чувствовалось, я машинально глотала жидкий вегетарианский супчик без картошки и обдумывала план дальнейших действий. На второе подали печёную репу. Откусив кусочек, я почувствовала тошноту и попыталась угощение выплюнуть, но увидев испытывающий взгляд Маланьи, проглотила его. На третье был квас.

На душе скребли кошки, к тому же, на землю опустились сумерки, а значит, вместо того, чтобы действовать, после выпитого зелья я продрыхла весь день. Откинувшись к стене, я закрыла глаза и вспомнила, что в избе нет не только прусаков, но и вшей с клопами. Вероятно, колдунья знает специальные заговоры. А почему бы не стукнуть церковникам, чтобы сожгли её на костре?

– Оденься, девонька, – вынула из сундука какие-то тряпки Кузьминична.

Она разложила их передо мной, и я еще раз удивилась опрятности хозяйки дома. Несмотря на отсутствие стиральной машины и электрического утюга, одежда, предоставленная мне, оказалось чистой и выглаженной. Длинная белая рубаша из легкой, неизвестной мне, материи с расшитыми узорами до запястьев рукавами, нечто типа атласного красного сарафана, тоже с вышивкой и тоже длинными рукавами, но довольно объемными, с разрезом, застёгивающимся у самой шеи, новенькие аккуратные лапти – всё вызвало скептическую улыбку. Но выхода не было. Я скинула прикид из двадцать первого века и облачилась в раритетное одеяние.

– Летник алый и уста алые, – залюбовалась мной Маланья, и крохотная слезинка скатилась по её щеке.

И тут стукнула дверь. Я резко обернулась – среднего роста коренастый парень лет семнадцати-восемнадцати нерешительно маячил возле печи. Даже в полутьме, еле освещаемой лучиной, я хорошо разглядела лицо пришельца. Оно поразило настолько, что затряслись колени. Если бы не возраст и облачение, я бы бросилась на грудь этому милому, смутившемуся юноше.

«Никита! – завопило моё второе Я. – Как пить дать, Никита»!

– Петя! – радостно воскликнула Маланья Кузьминична. – Проходи в избу, Петя!

Глава 7. Эврика!

Перекрестившись на образа, парень прошагал в горницу и уселся на почётной лавке в красном углу. Он только один раз искоса взглянул на меня, видимо, сердце влюблённого юноши подсказывало, что перед ним злостная самозванка.

– Аки не признал Маню? – деланно удивилась Маланья. Она не скрывала перед Кирилловыми того, что видит, значит, им доверяла. Доверяла, а сама вешала лапшу на уши, приказывая мне ей подыгрывать.

– Признал, – басом отозвался гость. Его низкий, густой, как дрожащий кисель, голос не напоминал бархатный баритон Никиты, и я расслабилась. Мало ли на свете двойников? Но двойников становится слишком много, а это утомляет, – сначала Маня, как две капли воды похожая на меня, теперь её застенчивый жених, копия моего мужа.

– Свадьба к Покрову, – юноша волновался. – Терем в посаде достроим и за стол. А нонеча потерпи, тётя Маланья.

– Аааааа, – разочарованно протянула Петрова. Перспектива притворяться слепой почти полгода её не обрадовала.

– Маня, можно тебя? – а это он уже обращался ко мне.

– Куда? – не поняла я.

Петр кивнул в сторону двери. Я поднялась, и, не обращая внимания на раздосадованную ведьму, поспешила за парнем.

На дворе еще окончательно не стемнело. Где-то мычали подзагулявшие коровёнки, блеяли и мекали младшие представители рогатого скота. По улице, переговариваясь, павами плыли две женщины с коромыслами, возле соседнего двора бородатый мужик что-то чинил.

– Манечка, – протянул ко мне руки жених из прошлого. – Манечка, голуба мая ясна, красна, аки я без тибя томился!

Я отстранилась, но Петя этого не заметил. Он сделал шаг, обхватил ручищами мои хрупкие плечики и сжал так, что затрещали косточки.

– Худа ты стала, Манечка, – испугался младший Кириллов. – Войти в тело надоть. И коса где?

– Отхватили косу, – сморщилась я, лихорадочно изобретая способ сохранения верности Никите. Открыться Петру, кто я и откуда, ни в коем случае нельзя, проклятие достанет моих прапрапраправнуков. А если по-настоящему выйти за него замуж, можно опозориться, – из уроков истории помню, на Руси жестоко карали испорченных невест. Впрочем, о чём я думаю... у меня дети, да и век этот мне не нравится. Ну и ситуация!

«Нет безвыходных ситуаций! – пискнуло моё второе Я, – пораскинь мозгами».

– Пошто отхватили? – не понял Петя. – Вшей в избе у тетки Маланьи отродясь не было. В аккурате избу держит.

– Избу-то в аккурате, – съехидничала я, – да вот зубов они не чистят.

– Дык мел жуют, батя им торгует, – пожал плечами Кириллов.

– А что жуют бедняки, которым не на что купить мел? – не сдавалась я. – А что жуют крепостные крестьяне?

– Уголь, чай его в печи полно остаётся, – абориген, предназначенный мне в мужа, явно, волновался за душевное здоровье суженой.

– И мыла нет..., – я хотела сказать ещё и о чистящих средствах, но ошеломленная внешне найденным выходом из своего жуткого положения, закричала:

– Эврика!

Петя потрогал мой лоб и отодвинулся на безопасное расстояние.

– Вы – купцы, – начала вслух рассуждать я. – А значит, вам будет интересно со мной сотрудничать. Я буду приносить вам эксклюзивный товар, а вы станете его продавать и выручкой делиться со мной. Пятьдесят на пятьдесят. Пойдет?

– Голубки! – неслышно появился возле избы Василий Макарович. Он, как я поняла, усталый возвращался со своего надела. – Чавось к плетню жмёсси, Петро?

– О бытие толкуем, – с печалью в голосе отозвался мой собеседник.

– Толкуйте, – разрешил Петров и удалился в дом.

– Петя, – меня снова понесло. – Петя, вы сказочно разбогатеете, если заключите со мной договор, только мне будет нужен начальный капитал, а ваши деньги у нас, к сожалению, не котируются. Поэтому, надеюсь, ты подаришь мне древнюю икону, я толкну её в Инете и куплю на эти бабки товар. Ты знаешь, что такое зубная паста? Ты знаешь, что такое шампунь и мыло?

– Мыло у нас наличествует, – растерялся абориген.

«Закругляйся, идиотка, – толкнуло меня в бок внутреннее Я. – Сейчас не только будущего партнёра по бизнесу, но всех ворон в округе испугаешь»!

«Точно, спятила, – спохватилась я. – Надо срочно исправлять положение»!

– Маня, ты прихворала? – положил мне на лоб прохладную ладонь самозванный жених. – Иди поживать, Маня, чай завтрава повстречаемся.

– Мне можно поговорить с Потапом Тимофеевичем? – краснея, прошептала я. А потом почувствовала, что дрожу от пережитого стресса. Хорошо, если Петр проглотит мои речи, а если нет? Тогда уж точно Маланья проклянет всё мое потомство.

– Можно, – грустно проговорил Кириллов и коснулся губами моей щеки. – Тيبة надоть выспаться, касатка. Завтрева повстречаемся.

И он ушёл. Я проводила Петра глазами, полными слёз. Неужели все мои ожидания накрылись медным тазом? А ведь как повезло сначала – Кирилловы уж точно разбираются в маркетинге, у них есть магазины и клиентская база.

– Садись вечерничать, дочь, – показал мне место рядом с собой Василий Макарович.

Я опустилась на лавку, окинула взглядом стол с надломанным караваем хлеба, миской пареной репы и жбаном кваса и всхлипнула.

– Баня стоплена, мыться станешь? – спросила Маланья Кузьминична и строго посмотрела на меня.

Тело чесалось, безумно хотелось встать под душ и насладиться потоками тёплой воды, а вместо этого, сняв карнавальный прикид и перекусив, я взяла предложенное расшитое орнаментом домотканое полотенце и потопала в неизвестное помывочное заведение.

Крохотная избушка с высоким порогом встретила меня удушливым жаром и ароматом трав. Я нагнулась, прошла сквозь маленький дверной проём и очутилась в парильном отделении. Впрочем, отделение было одно – с низким прокопченным потолком, небольшой печкой, лежанкой и скамьей, на которой непосредственно можно мыться.

Пол бани состоял из неплотно пригнанных друг к другу досок, потолок над очагом обложили камнем, напротив топки в стене были выдолблены дырки. На деревянном крючке висела натуральная мочалка, на лавке стоял выдавший виды металлический тазик с щёлоком.

– Ничего не поделаешь, с волками жить, по-волчьи выть, если прицепится грибок, в двадцать первом веке много противогрибковых средств, так что не пропаду, – с ужасом обозревая черные доски помещения, обречённо вздохнула я и погрузилась в священнодействие.

А когда помылась, удивилась чистоте кожи и волос. Даже средство для интимной гигиены не пригодилось, тело дышало здоровьем и свежестью.

– С лёгким паром! – дуэтом сказали хозяева, когда я появилась пред светлые их очи.

– Как же у вас грязно в бане, – вырвалось у меня.

– Дык дым заразу съедает, – откликнулся Василий Макарович.

– Взвар на столе, – нахмурившись, кивнула на чашку с коричневым напитком Маланья.

Я вспомнила, как вырубилась после того как хлебнула подозрительное зелье, поданное Кузьминичной, и с подозрением покосилась на угощение. Пить хотелось отчаянно, жидкости действительно требовал выжатый, как лимон, организм. Ещё минуту поколебавшись, я поднесла ко рту неизвестный напиток.

Сон пришёл не сразу, я крутилась на лавке и продумывала план дальнейших действий.

«Во-первых, – решала я, – ни в коем случае не буду торопиться с высказываниями, во-вторых, стану обращаться к жмурикам с уважением и покорностью. Сыграю роль пай девочки, хотя к этой роли я не привыкла. Здесь меня опекают и ничего не заставляют делать, Маланья справляется с хозяйством сама, я даже не знаю, какую скотину Петровы держат и чем её кормят. Вернусь в настоящее, снова буду пахать как папа Карло и терпеть капризы мамы Лиды. Правда, стосковалась по детям, но родители детей не оставят. Проблемой номер один остаётся исчезнувший Никита, по которому я почему-то не скучаю. Захочу насладиться лицом супруга, недалеко, в той двухэтажной избе, которая расположилась в середине улицы, живёт ласковый паренёк Петя. И ничто мне не помешает прийти к Кирилловым, чтобы увидеть его».

Постепенно неясные очертания горницы стали медленно расплываться и я погрузилась в здоровый, без видений, сон.

– Аки почивала? – Маланья сидела в ногах и внимательно смотрела на меня. – Хозяин ушёл в поле, а я кашу пшенну с тыквой сварила и квашню определила. Буду пироги с капустой печи.

Я встала, улыбнулась, надела балетки и потопала к умывальнику. Проведя языком по зубам и почувствовав на них налёт, я поискала глазами мел, нашла глиняную чашку с чем-то белым, взяла полную горсть порошка и сунула в рот. Зубы немного очистились, но хотелось оптимального эффекта.

Тем временем Кузьминична достала из печи чугунок и водрузила его на стол. Запах от содержимого чугунка по-хозяйски пробрался мне в ноздри, я сглотнула слюну и неожиданно для себя решила, что мне здесь нравится.

– Ешь, касатка, – плюхнула мне в кашу полную ложку сливочного масла хозяйюшка. – И молочко из кринки пей.

Я набросилась на еду. Ела и размышляла, что в двадцать первом веке не продают настоящего молока и не варят настоящую пшённую кашу. Наверное, и крупа, и коровы при неблагоприятной экологической обстановке утратили свои первоначальные качества. Вот и ещё один беспроигрышный проект!

«Жаль, дупло в дубе маловато, – вздохнуло моё второе Я.

Глава 8. Злыдня

В дверь несколько раз стукнули и она распахнулась. На пороге переминался с ноги на ногу Петя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.